

РАГИМ ДЖАФАРОВ

ЕГО
ПОСЛЕДНИЕ
ДНИ

Издательство
«Альпина нон-фикшн»
Москва, 2023

альпина
ПРОЗА

УДК 821.161.1-311.1
ББК 84(2=411.2)-444
Д40

Редактор Татьяна Королёва

Джафаров Р.

Д40 Его последние дни : роман / Рагим Джафаров. — М. : Альпина нон-фикшн, 2023. — 270 с.

ISBN 978-5-00139-637-6

Новая книга лауреата премий «НОС» и «Новые горизонты» — это роман о писателе. Чтобы добиться художественной достоверности книги, над которой работает, и правдоподобно описать пребывание в психиатрической клинике, он имитирует психическое расстройство. Но попасть в клинику оказывается гораздо проще, чем выйти из нее.

«Его последние дни» — роман о границах психической нормы и природе творчества. О том, как мало человек понимает не только окружающую реальность, но и себя самого.

УДК 821.161.1-311.1
ББК 84(2=411.2)-444

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети интернет и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу mylib@alpina.ru

ISBN 978-5-00139-637-6

© Р. Джафаров, 2023
© Художественное оформление, макет.
ООО «Альпина нон-фикшн», 2023

ГЛАВА 1

— И как вы планировали это сделать? — спросил психиатр.

— Азот.

— А можете подробнее рассказать?

Не могу понять, как именно он реагирует на мои слова. С одной стороны, задает уточняющие вопросы, интересуется, наблюдает за реакцией, с другой — кажется, будто он заранее знает все мои ответы и поэтому скучает. Даже его усы выглядят сонными и поникшими. И в целом — совершенно не ясно, верит он мне или нет.

Я почему-то представил, что за левым плечом психиатра стоит Станиславский. Наблюдает за моим спектаклем, скрестив руки на груди, и морщится. Не верит.

— Баллон очищенного азота и противогаз. Азот, как понимаете, инертный газ и не имеет специфического запаха, а главное — вызывает азотный наркоз. — Я сделал небольшую паузу, как бы задумавшись, но тут же собрался и продолжил: — Если им дышать, он быстро выместит кислород, человек потеряет сознание и через какое-то время умрет от асфиксии.

— Вы это где-то прочитали или... — Заинтересованность доктора все еще не превышала пределы профессионального приличия.

— И да и нет. Я довольно долго все это обдумывал. Прикидывал разные варианты, но регулярно возвращался к этой схеме. Несложно и гарантированно, не останешься калекой... — Я умолк и уставился в стол — думаю, еще одна пауза вполне уместна. — Ну и вот. Тринадцать двести.

— Тринадцать двести? — не понял психиатр.

Заинтересовался наконец-то? Может, надо чаще прыгать с темы на тему? Без логичных переходов. Я посмотрел на Станиславского. Он все еще выражал недовольство моей игрой, но все-таки вынужден был признать, что прогресс есть. Он покачал ладонью правой руки, как бы говоря: «Более-менее».

— Можно и дешевле, конечно, но я брал с запасом. Не смог рассчитать соотношение объема легких и объема баллона с азотом, поэтому брал побольше. И покачественнее.

— Качество тут имеет значение? — уточнил доктор с очень хорошо скрываемой усмешкой.

— Не знаю, а вдруг да?

— Тринадцать тысяч двести рублей — это стоимость баллона с азотом, верно?

Я медленно помотал головой из стороны в сторону и снова посмотрел на Станиславского. Тот кивнул. Доктор чуть сменил позу, собираясь оглянуться, и я быстро отвел глаза, чтобы не выдать моего помощника.

— Баллон, переходник, два метра шланга и противогаз ГП-4. — Я медленно сунул руку во внутренний карман пиджака.

Психиатр так и не оглянулся, напротив — внимательно наблюдал за мной. Я старался не встречаться с ним взглядом, мне все время казалось, что он вот-вот меня раскусит. И, наверное, станет ругаться, кричать.

Наконец моя рука нащупала искомое. В другом кармане. Конечно, это спектакль. Я знал, где лежит чек, и специально устроил эти судорожные поиски. Во время многочисленных репетиций выглядело это достаточно натурально. Растерянные, резкие похлопывания по карманам, торопливый поиск.

— Вот. — Я протянул бумажку и глянул на Станиславского, но его так огорчила моя паршивая игра, что он прикрыл глаза рукой.

Психиатр взял бумажку, положил перед собой на стол и пробежал взглядом по строкам.

— То есть вы даже купили все необходимое?

— Да. Все в свободной продаже. С противогазом, правда, пришлось помучиться. Это меня и спасло.

— Что вы имеете в виду?

— Противогаз с... — Я нахмурился, слово действительно вылетело из головы. — Как это называется?..

— С «хоботом»? — попытался подсказать психиатр.

Нас со Станиславским передернуло. Сами вы, доктор, с хоботом.

— С гофрой. С гофротрубкой, — уточнил я. — В общем, такие противогазы очень давно не выпускают, и их нужно поискать. В итоге пришлось покупать с рук. Пока все объявления отсмотрел, пока договорились, пока мне привезли. В общем — время. Стало легче.

Станиславский медленно беззвучно стал хлопать в ладоши, очевидно, получилось у меня хорошо. Воодушевленный таким успехом, я смело посмотрел в глаза психиатру. Он сидел, упершись локтями в стол, и большими пальцами сцепленных рук поглаживал усы. Лысина и усы придавали ему сходство с Розенбаумом; казалось, он вот-вот достанет гитару и запоеет про Колчака.

— Должен заметить, что вы не учли пару важных моментов, — как будто немного разочарованно протянул доктор. — Технический азот отличается от медицинского. Велика вероятность, что передозировка азота привела бы к отключению функции ядер мозга, которые отвечают за двигательную, сердечную деятельность.

— И что это значит? — не понял я.

— Умирали бы в корчах, муках, судорогах и истерике. Долго и больно. Если говорить просто. Но это ладно, давайте к насущным вопросам. Раньше такие приступы случались?

— Да, регулярно, но не так... сильно. — Станиславский разочарованно махнул рукой в мою сторону, как будто бы сдаваясь; я опустил глаза.

— Как регулярно? — Психиатр снова стал что-то записывать.

— Два раза в год.

— Хм... Расскажите, пожалуйста, детально и с датами о последнем приступе.

— Я же рассказывал.

— Я понимаю, но это необходимо для диагностики. — Тон психиатра сменился, теперь он объяснял все неторопливо и с теплотой, то ли как с перепуганной лошадей, то ли как с ребенком. — Значительная часть моей работы — задавать одни и те же глупые вопросы. Но я понимаю — если вам неприятно это описывать или просто не хочется повторять, расскажите в обратном порядке.

Доктор тепло и даже как-то по-домашнему улыбнулся, воскресив в памяти размытый образ доброго родственника из далекого детства.

Но улыбки улыбками, а в ход пошел старый как мир прием. Послушайте детализированную историю человека и, если сомневаетесь в ее правдивости, попросите рассказать ее в обратном порядке. Желательно сохранив все детали и быстро. Если история выдуманна — рассказать ее в обратном порядке очень трудно. Без предварительной тренировки уж точно.

И как мне поступить? Сделать вид, что я не уловил хитрости, и спокойно рассказать историю в обратном порядке? Или лучше обидеться? Не решит ли он, что я параноик? Но врать, вероятно, бессмысленно. Я посмотрел на Станиславского в поисках подсказки. Тот отрицательно мотнул головой. Понятно, не врать.

— Не верите мне? — прямо спросил я.

— Почему вы так решили? — кажется, впервые за весь разговор удивился психиатр.

— А зачем тогда вам история в обратном порядке? Это же проверка на вранье.

— Да, — не стал лгать доктор. — Но я не пытаюсь вас обвинить. У меня нет никаких сомнений в том, что вы

говорите мне правду, но такова специфика моей работы: мне нужно понять, говорите ли вы правду самому себе.

— Ам-м... — Я растерялся, не зная, как именно на это реагировать.

Психиатр вызвал у меня что-то вроде восхищения. Как хороший соперник в шахматной партии. Вроде и признался, что намерен проверить мои слова, а вроде и не вступил в прямую конфронтацию. Кажется, даже Станиславский проникся к нему уважением и повнимательнее на него взглянул.

— Это обязательно?

— Нет, но помогло бы. Хотя, если честно, у меня уже достаточно данных для этого этапа. На первый взгляд у вас серьезное нервное расстройство. — Слово «психическое» он решил не произносить, судя по всему. — С мучающими вас перепадами настроения. Но есть масса нюансов. Учитывая остроту приступа, я бы рекомендовал госпитализацию. Думаю, что буквально за две недели мы сможем со всем разобраться и снять симптомы, а потом уже в амбулаторном режиме...

— Таблетки? — Я не смог убрать из голоса брезгливость, получилось слишком выразительно, но зато это очень обрадовало Станиславского, он даже поднял вверх большие пальцы.

— Скорее всего, да. — Психиатр, кажется, не заметил моих интонаций либо специально не стал заострять на них внимание. — Нужно облегчить приступ как минимум.

— Ясно.

— Но тут все зависит от вас. Если хотите лечиться, то я расскажу о дальнейших действиях, если нет — то нет смысла продолжать разговор.

Тут он несколько слукавил. Он не может меня отпустить, я ему конкретный план самоубийства рассказал и довольно четко дал понять, что все время об этом думаю. С другой стороны, он и не сказал, что отпустит меня домой. Сказал,

нет смысла продолжать разговор. Если я соберусь уйти — позовет санитаров. Вынужден.

Я посмотрел на Станиславского. Тот показал мне жест «ОК». Я победил.

— Ну, я же за этим и пришел. Лечиться.

— Хорошо. Сейчас распечатаю пару бумажек, почитайте внимательно. — Он взялся за мышку и стал неторопливо клацать, глядя в монитор.

Его лицо сделалось сосредоточенным. Прищурился, лоб наморщил. Я подумал, что доктор явно не привык работать за компьютером. Вероятно, выписывать направления должен кто-то другой, но что-то пошло не так.

— Что за бумажки?

— Согласие на лечение и вся сопутствующая информация.

Какое-то время он клацал, потом зажужжал принтер. Психиатр вынул еще теплый лист бумаги и протянул мне. Я стал читать, делая вид, что не знаком с текстом. Стандартный бланк. Информированное добровольное согласие... и все такое. Я, конечно, нашел его в интернете и изучил заранее.

— А чем вы занимаетесь? — вдруг поинтересовался врач, пристально глядя в монитор.

«Анкету, наверное, какую-то заполняет», — подумал я.

— Писатель.

— Интересно. — Он отвлекся от компьютера и посмотрел на меня. — И как сейчас обстоят дела в русской литературе?

Я широко развел руками и окинул себя взглядом:

— Это вы мне скажите. Литература у вас на приеме.

Доктор сдержанно усмехнулся.

— Литература в надежных руках, — заверил он меня, все еще улыбаясь.

— Психиатра, — добавил я одно важное слово к его реплике.

— Это лучше, чем гробовщика, например. — Тут он вроде бы пошутил, но я заметил, как его взгляд внимательно скользнул по мне.

Я успел немножко скривить уголки губ, будто эта черная шутка меня как-то задела. Страшные люди эти психиатры. Нельзя расслабляться ни на секунду.

— Вам нужно предупредить кого-нибудь? В отделении мобильный телефон придется сдать.

— Нет, я уже предупредил всех, — возвращая бумагу с подписью, ответил я.

Теперь уже нет смысла что-то изображать, своего я добился.

— Хм... Похвальная какая... — Он задумался.

— Предусмотрительность, — подсказал я.

— Да. Хорошее слово, предусмотрительность. Давайте я вас провожу в отделение.

Он встал из-за стола и указал рукой на дверь. Почему-то получилось очень по-доброму, если не сказать по-родному, — наверное, репетировал это движение. Я тоже встал, взял свою сумку, кивнул Станиславскому в знак благодарности и вышел из кабинета. Психиатр с картонной папкой под мышкой вышел за мной и снова указал направление.

— Сейчас мы оформим вас в боксированное отделение, это что-то вроде...

— Карантина. — Не то чтобы он нуждался в подсказке, скорее я просто перебил его.

— Что-то общее есть, да. Сначала вы сдадите общие анализы, плюс вас периодически будет опрашивать доктор. Назначит лечение. Потом уже переведем в общую палату, а там — в зависимости от динамики.

— Ясно.

Мы шли по длинному коридору с бежевыми стенами. Я внимательно смотрел по сторонам, стараясь не упустить ни одной детали. Я здесь именно для этого. Цвета, звуки, запахи — важно все. Лампы дневного света, двери без ручек,

линолеум, шестьдесят шагов от кабинета, что еще можно ухватить?

Мы уперлись в закрытую дверь. Я замер в предвкушении. Сейчас он достанет из кармана халата железку, похожую на торцевой гаечный ключ. Это так называемая гранка, исполняющая роль ручки для всех дверей в больнице.

Но, увы, доктор достал из кармана халата банальную пластиковую карточку, которые каждый человек хоть раз наблюдал в офисе, и приложил ее к считывателю. Загорелась зеленая лампочка. Вот тебе и гранка.

Мы вошли в примерно такой же коридор, как тот, по которому шли сюда. Единственное отличие — сестринский пост по левую руку. Эдакая регистрация.

— Ольга, добрый день. — Психиатр улыбнулся серьезной женщине на посту. — Принимайте новенького.

Женщина что-то спросила, но я не расслышал.

— Да, вот. — Психиатр сунул бумаги в окошко. — Самход.

— А что случилось? — Кажется, этот вопрос она задала мне, но ответил доктор:

— Тяжело человеку. Жить не хочется.

Сестра покачала головой, но никак вслух не прокомментировала. Хотя бегущая строка на ее лбу гласила: «А ведь такой молодой, красивый, что ж делается-то?» Но скорее для профформы. Чтобы я понял, что мне сочувствуют. Вряд ли ее можно чем-то подобным удивить.

— Всего доброго, — попрощался психиатр.

— Удачи. — Я улыбнулся в ответ.

Он вышел из отделения и закрыл за собой дверь.

— Давайте вашу сумку посмотрим. — Сестра взяла мой багаж и приступила к досмотру.

Я уловил запах больничной еды — пюре и рыбные котлеты — и вдруг осознал, что морщусь. Да и в целом почему-то все лицо напряжено.

Сестра тем временем раскрыла сумку и стала доставать содержимое. Первое, что ей попало, — упаковка туалетной бумаги.

— Предусмотрительно, но у нас сейчас с этим нет проблем, слава богу, — сказала она и отложила бумагу в сторону, собираясь продолжить досмотр.

— Нельзя оставить? — уточнил я.

— Можно, но... Можно, конечно. — Она придвинула упаковку ближе ко мне. Не распечатывая.

— Четырехслойная, — поиграв бровями, сказал я. — С запахом лаванды.

Сестра сдержанно улыбнулась и вернулась к досмотру.

— Лаванда, горная лаванда... — пропел я себе под нос.

Сестра усмехнулась и покачала головой. Достала из сумки флакон духов.

— К сожалению, нельзя, — покачала она головой.

— Почему? — удивился я.

— Потенциально опасно. — Ей удивительным образом удалось совместить абсолютно протокольную фразу с личным отношением, что вообще-то невозможно.

Я сделал вид, что очень огорчился, что совсем не подумал о том, что раз я заехал по суицидальной статье, то у меня заберут все хоть сколько-нибудь, по их мнению, опасное. Даже то, что нормальным психам вполне бы разрешили. На самом деле, конечно, я был готов к такому повороту. Даже рассчитывал на него. Это отвлекающий маневр. Я с трудом сдержал улыбку. Как я хорош, как мощны мои лапищи!

— Что это? — Сестра вертела в руках красную пластиковую баночку.

— Мастика для волос.

Она странно посмотрела на меня, задержала взгляд на моей прическе, потом открыла банку и заглянула внутрь.

— Нельзя.

Интересно, а зачем вообще было спрашивать, что это такое, если ничего нельзя? Сестра достала второй флакон и с удивлением взглянула на меня.

— Духи, — подтвердил я.

— Еще одни?

— Ну, тот аромат вечерний, а это так... Повседневный, домашний.

Она улыбнулась, покачала головой и отложила флакон влево. К другим духам и мастике. Туда же без вопросов отправилась расческа.

— Ну хотя бы расческу... — взмолился я.

— Нельзя, — решительно отрезала сестра, снова оценив взглядом мою прическу.

— Ну тогда хоть щетку для волос! Она мягкая, почти резиновая.

Сестра как раз достала ее из сумки. Недоверчиво покрутила в руках. Помяла. Нашла ее небезопасной и положила к прочей запрещенке.

— Вам тут не перед кем красоваться, не переживайте.

— Ну, перед собой же...

Бритва, конечно, фейсконтроль не прошла, а за ее отсутствием мне и гель не понадобился.

— Бриться можете под присмотром санитаря. Попросите сестру — все организуют. Станок будет тут, на посту.

Она проверила карманы обоих спортивных костюмов, заглянула в тапочки и даже распечатала картонные упаковки носков и трусов. Последнее, что она извлекла из сумки, — книги.

Она поочередно раскрыла их, видимо, проверяя на наличие тайников, после чего отложила. Книги — можно. Потом все-таки обратила внимание на обложку одной из них и задумалась. Оливия Лэнг «Почему писатели пьют».

Сестра размышляла, я не мешал. В конечном счете победило разумное, доброе и вечное. Книги сестра мне оставила.

— Телефон, документы, украшения? — поинтересовалась она тоном таможенника.

— Оружие и запрещенные препараты, — кивнул я.

— Что? — не поняла сестра.

— Вот, говорю, держите.

Я послушно сдал все. Замер на секунду, глядя на пачку сигарет. С одной стороны, мысли о предстоящей ломке нагоняли тоску, с другой стороны — я был даже рад. Когда нет соблазна, то и бросать легче. Нет сигарет и нет.

— Переодевайтесь, — приказала сестра.

— Прямо тут? — растерялся я.

— Ну... можете в палате, но ремень сдайте сразу. И обувь, если со шнурками.

— Хорошо...

Сестра принялась описывать вещи, я переобулся и снова осмотрелся, но ничего нового не заметил. Пока довольно скучно в плане материала, но очевидно, что это только начало.

Через минуту сестра положила передо мной бланк с описью и ручку.

— Все ценные вещи и документы я положу в сейф на посту, все остальное сестра-хозяйка отнесет в кладовку.

Сестра-хозяйка — звучит волнующе, если не сказать больше. Я наклонился, чтобы расписаться, и почему-то сразу заметил, что в списке только один флакон духов.

Интересно, какой именно аромат ей приглянулся? «Живанши» или «Каролина Эрера»? И что она будет с ним делать? Душиться мужским ароматом? Или подарит какому-нибудь мужчине открытый флакон?

Я понял, что пауза затягивается, и быстро расписался.

— Берите вещи, пойдете, — сказала сестра, передавая мне сумку.

Мне показалось или в ее голосе проскочило некоторое облегчение?

Меня все же занимал один вопрос: духи для нее или для мужчины? Каким должен быть мужчина, которому можно подарить открытый флакон? Я внимательно рассматривал сестру, пытаюсь по ее внешнему виду составить некое представление о ее любовнике или муже. Но кольца на пальце я не заметил. Не замужем.

Наверное, ее любовник — работяга. Допустим, водитель скорой помощи. Или санитар. Почему-то мне кажется, что это мощный мужчина. С пузиком и алиментами. Они с Ольгой друг друга любят, наверное, хотя сами себе боятся в этом признаться.

Я поймал эту мысль, она показалась мне интересной. Вот, допустим, я сам был бы влюблен в эту женщину. Она не очень похожа на мой идеал, даже несмотря на то что у меня нет четкого понимания, как выглядит мой идеал. Чего бы мне стоило признаться, что я влюблен в некрасивую, немолодую женщину? Наверное, проще было бы делать вид, что никакой любви нет. Просто так получилось: общие интересы, секс, понимаем друг друга с полуслова и все такое. Надо запомнить эту мысль, поразвивать и вывести в какой-нибудь книге таких героев.

А потом я перевернул все с ног на голову, допустив, что она, например, лесбиянка. А потом еще раз — предположив, что она светская алкогольвица и просто выпьет духи.

Сестра остановилась у очередной двери и достала из кармана халата гранку! Я успел заметить, что рукоять ее обмотана изолентой. Надо будет порасспрашивать местных. Кажется, эти гранки в некотором роде артефакты, и наверняка есть интересные персонализированные экземпляры.

За дверью оказалась не палата, а ординаторская. Две женщины, сидевшие за столом, уставились на меня. Их лица не выражали никаких эмоций. Будто они смотрели сквозь меня, на стену за моей спиной. Я почувствовал себя неловко. Почему-то стало стыдно.

Я отошел в сторону, покинув их поле зрения. Покрутил головой. Видимо, психи уже спят — никого в коридоре не видно. Дверь с табличкой «Палата 1» открыта. Еще здесь есть столовая, судя по табличке, а рядом с ней незапертая дверь туалета. Чего я не ожидал увидеть, так это кулер. С одной стороны, ничего странного, а с другой — а если психи обварится кипятком?

Сестра вышла буквально через несколько секунд и наконец повела меня в палату. В изолятор, если опять-таки верить надписям. Расположился он по соседству с ординаторской и прямо напротив второй палаты.

— Переодевайтесь, я зайду через какое-то время и заберу сумку.

— Сумку-то за что? — удивился я

Она молча ушла. Я осмотрел палату. В обстановке опять-таки не было ничего примечательного. Кровать, тумбочка, стул и зарешеченное окно, дверь, видимо, ведущая в туалет. Нейтральные тона, легкий запах хлорки, линолеум. Должно же быть в этой, психиатрической, палате что-то, что отличает ее от обычной, больничной. В поиске таких особенностей я и организовал всю эту авантюру. Но пока — ничего.

Я зашел в туалет. Вот, уже интереснее. Нету зеркала. Кажется, Хичкок говорил, что нас пугают вещи, находящиеся не на своем месте. Как, допустим, клоун в лесу. Надо сказать, что отсутствие вещей на привычных местах тоже вызывает неприятные ощущения.

Я смотрел на кафель в том месте, где должно было быть зеркало и прислушивался к своим ощущениям. Тоска? Тревога? Выключил свет. Теперь я оказался в полутьме, и тревога усилилась. Как и тоска. Мне предстоит провести тут как минимум несколько дней. Стоило ли это того?

Я вышел из туалета и сел на кровать. Нельзя сейчас задавать себе такие вопросы. Стоило, конечно. Чтобы чем-то себя занять, я переоделся и медленно сложил разрешенное

барахло в тумбочку. Потом выглянул в коридор. Вроде никого. Только вдалеке на своем месте сидит сестра.

Двери, что понятно, не запираются, поэтому придется полагаться на слух. Сестра может появиться в любой момент. Я взял упаковку туалетной бумаги и пошел в туалет. Неторопливо разорвал полиэтилен, достал все четыре рулона. Поставил их на бачок унитаза. Взял один в руку и внимательно осмотрел. Нет, не тот. Взял второй — на этот раз угадал.

Пришлось немного повозиться, но через какое-то время я таки извлек небольшую, с палец длинной ручку, даже не порвав рулон. Спрятал ее в рукав и, пританцовывая, вышел из туалета. Пока все идет по плану.

Я не успел как следует порадоваться — в коридоре слышались шаги.

— Да мне все равно, — сказал кто-то, открывая дверь палаты. — Но, как всегда, через жопу!

— Ну а я-то что могу? — жалобно оправдывалась сестра.

В палату вошел доктор. Темноволосый полноватый мужчина лет сорока с феноменально выразительными мешками под глазами. Следом за ним в дверном проеме показалась Ольга, но дальше не пошла, просто привалилась к косяку.

Я присмотрелся к бейджику. Если верить указанной информации, то передо мной доктор Эмиль Гусейнов.

— Добрый вечер, я дежурный врач, как самочувствие? — На меня даже не посмотрел, все его внимание занимали какие-то бумаги, которые он неторопливо пролистывал.

— Терпимо.

— И что конкретно терпите? — Он отвлекся-таки от бумажек и посмотрел на меня. — Вы же по суицидальной теме заехали?

— Да.

— И как сейчас? Кроет?

Я несколько растерялся от его тона. Почему-то почувствовал себя мешком с картошкой. Но это ощущение

осталось на фоне, сейчас я быстро соображал, как себя вести. В психушку-то я попал, но теперь нужно не переигрывать, а то реально лекарствами напичкают.

— Да вроде нормально.

Врач сделал пометку в бумагах, потом осмотрелся.

— Состояние как, подавленное? Тревожное?

— Вот прямо сейчас тревожное.

— Что тревожит?

— Вы в основном.

Доктор снова посмотрел на меня и неопределенно хмыкнул.

— Померьте его, будьте добры, — обратился он к сестре.

Сестра померила. Ничего особого, давление (тут мне повезло, что ручка была в другом рукаве, но мысленное замечание я себе сделал), сатурация и прочее. Мене, мене, текел, упарсин.

— Хорошо, будем наблюдать. Сейчас вас пока в изолятор поместили, утром сдадите анализы, обследуетесь, и через какое-то время переведем в общую палату. Пока по лечению ничего сказать не могу. Завтра лечащего врача назначат, он уже будет разбираться. Утром не завтракаете, сразу на анализы.

— А...

— Санитар вас отведет.

— Ясно.

Он повернулся, чтобы уйти, но наткнулся взглядом на тумбочку, на которой лежали книги. Доктор снова заглянул в бумаги, потом повернулся ко мне.

— Ваша книга? — Он пальцем указал на тумбочку.

— Как видите.

Гусейнов взял ее в руки, покрутил, рассмотрел обложку. Кажется, переглянулся с сестрой, та пожала плечами. Он какое-то время рассматривал лицевую сторону, потом раскрыл книгу, чтобы видеть обе части обложки: переднюю и заднюю.

— Это тест Роршаха, что ли? — усмехнулся доктор.

— Да, стилизация под него.

Я никак не мог понять, какие чувства вызывает у меня этот человек. Скорее неприятные, но вот что именно меня в нем раздражает?

— А что такое Сато?

— Имя главного героя.

Гусейнов перевернул книгу и вчитался, потом будто бы опомнился и спросил, сделав жест рукой:

— Не возражаете?

— Нет.

Он полистал книгу, остановился на каком-то месте, прочел несколько строк, потом закрыл ее и снова повернулся ко мне.

— А зачем вы взяли с собой вашу книгу?

— Вы бы взяли чужую?

— Я имею в виду, зачем вы взяли книгу, которую сами написали? — усмехнулся Гусейнов.

— Это подарок.

— В каком смысле? — не понял он.

— Конкретно этот экземпляр мне подписали и подарили.

Доктор снова полистал книгу и посмотрел на первую страницу. Покачал головой каким-то своим мыслям, видимо, вызванным дарственной надписью. Я смотрел на него и чувствовал, что буквально закипаю. Что именно вызывает во мне злость?

Гусейнов повернулся ко мне, неторопливо закрыл книгу и положил на тумбочку.

— На ужин вы не успели, но если проголодались — скажите сестре. Принесут вам что-нибудь.

Не дожидаясь ответа, он вышел, каким-то чудом проскочив мимо занимавшей большую часть дверного проема сестры. Феноменальная способность втягивать живот. Ольга вопросительно взглянула на меня.

— Спасибо, не надо. — Я помотал головой.

— Спокойной ночи.

Сестра забрала мою одежду, разорвав последнюю связь с волей, вышла и закрыла дверь. Я лег на кровать. Подушка пахла чем-то химическим и почему-то сыростью. Мне стало неуютно, и я наконец-то осознал реальность. Я в изоляции, в непривычной, неуютной обстановке, без связи, без музыки.

А когда буду писать книгу, подумал я, Гусейнова выпишу зловным говнюком. Только фамилию ему поменяю.

ГЛАВА 2

— Просыпаемся, просыпаемся!

Я не сразу понял, что происходит, стал шарить рукой по кровати, чтобы сгрести Соню в охапку и утихомирить. Это всегда работает, даже когда я сам прошу ее меня разбудить. В конечном счете она засыпает вместе со мной.

— Просыпаемся!

И тут назойливый голос, чужие запахи и сырость сложились в неприятную, но четкую картинку. Сони нет, я не дома, я в психушке. Мое возмущение проснулось раньше меня. Ну чего ради будить людей, которым уже некуда торопиться? Мы уже все успели! Почему нельзя дать поспать-то?

— Да не сплю я!

— Меряем температуру!

— Не возражаю!

— Держите! — Ольга запихала градусник мне под мышку. — Пока спите, ближе к восьми на осмотр идем. Если быстро все, то, может, еще на завтрак успеете.

И чего они тут все так акцентируют внимание на еде? С другой стороны — может, это единственное развлечение в этом заведении?

Через какое-то время сестра вернулась и забрала градусник. Я попытался уснуть, но не получилось. Так и застрял между сном и явью.

Матрас, на котором я лежал, судя по ощущениям, был застелен клеенкой. Видимо, чтобы не промокал, если какой-нибудь псих обмочится. И это почему-то очень огорчало.

Воображение зацепилось за проклятый матрас и создало жуткую картину. Будто я лежу на этом самом месте, но я — это не совсем я, а натуральный псих. Почему-то раза в три старше, чем на самом деле. Я привязан к кровати и не могу пошевелиться. Я хочу в туалет. Пытаюсь позвать сестру — но голоса нет. Я стараюсь изо всех сил, но все, чего удастся добиться, — это жалкий мышинный писк. Дело движется к закономерному позорному финалу.

— Подъем, больной!!

Низкий, прокуренный мужской голос. Если бы не второе слово, то я бы подумал, что это по-прежнему сон, в котором как-то оказался мичман.

У кровати стоял невысокий, но очень уж широкоплечий санитар с кривым носом, намекающим либо на спортивное прошлое, либо на сложный характер.

— Давай собирайся, дурак. Через пять минут жду снаружи.

Я удивленно посмотрел на санитару. Он смотрел на меня спокойно и немножко устало. Судя по интонации, «дурак» — это не попытка оскорбить меня, а его обычное обращение к больным. А скорее всего, не только его, но и всех санитаров.

Я намеренно неторопливо, но в разумных пределах умылся. Вышел из палаты и отправился за санитаром по бесконечным коридорам. В голове возник сюжет, как псих бежит из дурки. Добывает карточку, гранку, все тщательно планирует, но увы — бедолаге не удастся без карты выбраться из клиники. Он навсегда остается в психушке.

Скрывается в самых отдаленных ее частях, куда не заходят даже санитары, и иногда устраивает ночные набеги на кухню.

Мои мысли прервал санитар. Он остановился у какой-то двери и постучал в нее. Безрезультатно.

— Ждем, — велел он и привалился к стене.

Санитар меня одновременно раздражал и веселил своим отношением. Он вел себя так, будто я то ли овощ, то ли малолетний уголовник. Если бы я действительно был пациентом этого чудовищного учреждения, меня бы буквально разорвало от гнева. Но, так как я здесь всего лишь наблюдатель, исследователь, могу позволить себе не реагировать на такое отношение.

Почему-то только сейчас мне на глаза попался его бейджик с именем — Денис Иванов.

— А вашего отца, случайно, не Иван зовут? — не сдержался я.

— Откуда знаешь? — нахмурился санитар.

— Угадал. — Я еле сдержался от смеха, Денис Иванович, надо же.

Он хотел что-то сказать и даже открыл рот, но вдруг достал телефон из кармана и приложил к уху.

— Алло! А, ну да. И че?

Он почему-то обхватывал трубку всей ладонью и плотно прижимал ее к уху.

— Да блин, ща!

Денис убрал телефон и посмотрел на меня с сомнением. Судя по всему, пытался принять какое-то решение. Мне даже стало интересно.

— Ты как, соображаешь?

— Преимущественно образно, — усмехнулся я.

Санитар хмурился. Видимо, пытался понять, можно ли мне доверять.

— Куришь?

— Курю.

— Значит, так, если будешь сидеть тихо и ждать, потом отведу покурить, по рукам?

— Хорошо.

Он еще раз с сомнением посмотрел на меня, но все-таки решился. Быстро пошагал куда-то по коридору. Наверняка он нарушил какие-то правила. Не думаю, что психов можно вот так бросать посреди больницы без присмотра.

Я осмотрелся. Возле кабинетов не было очередей. Ни одного человека во всем коридоре. Мне даже показалось, что во всей больнице нет ни одной живой души. А я, как неуспокоенный дух, буду вечно сидеть у этой двери.

Ситуация усугублялась тем, что у меня не было телефона или книги. Делать совсем нечего. Даже часов нет, чтобы прикинуть, сколько я тут уже кукую.

Чтобы чем-то занять свой ум, я принялся размышлять о будущей книге. Главный герой, пусть пока его зовут Андрей, потом что-нибудь более интересное, говорящее и символичное придумаю, — писатель. Плохо, конечно, писать книги про писателей... Но в целом-то — хочу и пишу!

Итак, Андрей. Жена настояла, чтобы он сходил на обследование к психиатру, а там он попал под недобровольную госпитализацию. Маниакально-депрессивное расстройство со всякими там суицидальными отягощениями. Тут еще надо проконсультироваться, как это все работает. Иногда полезно дружить с психиатрами.

Итак, в психушке Андрея хотят лечить, а он лечиться не хочет. Он убежден, что его болезнь напрямую связана с талантом. Нельзя ему укольчики и колеса, нельзя.

А антагонистом будет врач, который пытается Андрея вылечить. И вот посмотрим, кто кого. Андрей врача убедит, что суицидальные мысли и нестабильное состояние — это часть таланта и, может, даже его основа, или, наоборот, врач вылечит талант писателя.

Я представил, что рядом со мной на лавочке сидит Андрей. Мается от безделья. Изучил все вокруг, посидел

в разных позах, полежал даже, а потом вдруг достал из кармана мобильный телефон! Однако... Андрей-то посмышленнее меня или коммуникабельнее. Как-то договорился, чтобы ему телефон оставили.

Андрей лениво водил пальцем по экрану, наверное, скроллил ленту. Я вдруг осознал, что в этой сцене сталкиваются два разных мира. Там, в телефоне, — соцсети, коронавирус, фоточки красивые, успешный успех, а тут — бежевые стены, пюре и рыбные котлеты. И самое странное — я не понимаю, какой из этих миров нормальнее.

Дверь, кабинета открылась, и выглянул доктор. Андрей едва успел спрятать телефон.

— А где санитар? — сразу спросил суровый пожилой врач.

— Да тут. — Я махнул в сторону ближайшего угла, не совсем понимая, зачем вру.

— Где тут?

Ничего убедительного в голову не приходило, и поэтому я просто повторил:

— Ну... Тут...

Получилось что-то среднее между звуком замедленно проигрываемой пластинки и бляением. Да и сама фраза... Как идиот, ей-богу. Хотя это как раз логично, я идиот в психушке, что подозрительного? Может, слюну пустить? Я усмехнулся собственной мысли, отчего, вероятно, стал похож на психа еще больше.

— Я тут! — Санитар появился из-за того самого угла, на который я указал. — В туалет отскочил на секунду.

— Заходите! — велел мне врач, а потом обратился к санитару: — А ты иди-ка сюда.

Я вошел в кабинет, старательно прислушиваясь к происходящему снаружи. Доктор вставлял пистоны Денису. Но не слишком усердно.

Внутри кабинета были две двери, слева и справа, ведущие в соседние кабинеты, обе были открыты. Очевидно,

через них доктор и вернулся к себе в кабинет, поэтому в коридоре я его не увидел. Вероятно, так можно пройти весь корпус. Я представил, как врачи перемещаются по больнице между кабинетами, чтобы не выходить в коридор и не попадаться на глаза психам.

— Жалобы есть? — Доктор вернулся внутрь, закончив воспитательную беседу с санитаром.

— На нарушение конституции считается?

— Это к другому доктору.

Других жалоб у меня не было. Поэтому осмотр не затянулся. По сигналу терапевта в кабинет вошел Денис и повел меня обратно по одинаковым коридорам.

Как только мы вошли в наше отделение, я увидел настоящих психов. В коридоре трое мужчин мыли пол двумя швабрами. Двое феноменально медленно возюкали мокрыми тряпками по полу, а третий, судя по всему, нужен был исключительно для того, чтобы менять воду. Он задумчиво стоял у ведра и ждал своего часа.

— Заходи давай! — скомандовал Денис, указывая на дверь процедурного кабинета. — Чего встал?!

Понаблюдать за работой психов не удалось. Вместо этого пришлось сдавать кровь, измерять давление и проходить прочие неприятные процедуры. По окончании Денис отвел меня в изолятор и обронил что-то про обед, но я не разобрал толком, а переспрашивать не хотелось.

Я улегся на кровать поверх одеяла и попытался уснуть, хотя хорошо понимал, что не получится. Я попробовал прикинуть дальнейший план действий. По идее, больше никаких медицинских процедур не будет. Что не может не радовать. Следующее испытание — лечащий врач. Вот здесь нужно все сделать правильно. С одной стороны, мне нужно сохранить легенду суицидального психа, с другой — не перегнуть палку. Иначе действительно обколют какими-нибудь препаратами. Дверь палаты открылась.

— Обед!

Я сел на кровати и посмотрел на вошедшего человека: санитар, но другой. Ну, по крайней мере выглядит как санитар, а в остальном неизвестно. Он поставил на тумбочку поднос и вышел.

Как ни странно, но вовсе не пюре с рыбными котлетами. Гороховый суп, гречка и что-то вроде тефтелей. А еще хлеб и чай. Все в алюминиевой посуде. Чтобы не разбил и не порезался осколками?

Чай, конечно, даже на запах отвратный, на вкус и попробовать не стал. Все остальное — вполне съедобное. Не хуже, чем в армии. Я съел несколько ложек супа, немножко поковырял гречку и понял, что не хочу есть.

Оставив поднос в покое, я улегся на кровать и вдруг понял, что снова чувствую себя неудобно. И даже понял почему. Заведение режимное, скажем так, а единственное режимное заведение, в котором мне до этого приходилось бывать, — армия. А там лежать на кровати — нельзя. Кроме, конечно, специально отведенного для этого мероприятия времени.

Вообще, есть ощущение, что у армии и психушки много общего. И не в контексте идиотизма, а в смысле организации. Сестра на посту у входа — это дневальный; старшая сестра — дежурный по роте. Я стал мысленно переводить армейскую систему в больничную. Получалось, что это примерно одно и то же. Это даже как-то успокоило меня. Сделало местный уклад более понятным и привычным. Мне захотелось проверить свою теорию на практике. Если в армии есть каптерщик, то и здесь должен быть человек, отвечающий за барахло. Наверняка упомянутая ранее сестра-хозяйка. Вот с ней-то и нужно договариваться о разнообразной запрещенке вроде мобильного телефона. А еще санитары, как выясняется, могут отвести покурить. Но сильно сомневаюсь, что эта услуга доступна в изоляторе. Не олл инклюзив в этом отеле, к сожалению.

Снова открылась дверь палаты. Но, вопреки моим ожиданиям, вошел не санитар, а доктор. Тот самый, похожий

на Розенбаума, который вчера выписал мне путевку в это прекрасное место. Я даже обрадовался, как будто встретил старого знакомого. Он, кажется, улыбнулся. Одними усами.

Следом вошел еще один доктор. Седой, со странной прической. Он как будто специально начесывал свои жиденькие волосья таким образом, чтобы они торчали во все стороны и создавали ощущение объема. Что-то среднее между одуванчиком и Эйнштейном получалось. В сочетании с халатом — просто бомба.

Но вообще-то я подумал: не слишком ли много докторов на одного больного? А говорят, оптимизация в медицине...

— Ну как ваши дела?

— Терпимо.

— Я заведующий отделением, — прояснил ситуацию Эйнштейн. — Не обижают вас? Есть какие-то жалобы?

У меня, конечно, сразу перед глазами возник терапевт, санитар и вся эта история, но было бы как-то очень уж мелко жаловаться на такое. Да и не хочется ссориться с санитаром, который может если не усложнить мою жизнь, то уж точно сделать ее неприятнее.

— Вроде нет, все в порядке. Насколько в порядке может быть пациент психиатрии.

— Юмор — это хорошо. Познакомьтесь, ваш лечащий врач. — Заведующий указал на Розенбаума и кивнул ему, мол, всё, уходу, дальше клиент твой. — Если что — обращайтесь.

Последнюю фразу, явно затертую и протокольную, он сказал уже выходя из палаты. Розенбаум, кажется, чуть изменил выражение лица, после того как заведующий вышел. Может, эти двое в контрах?

— Я ваш лечащий врач — Даниил. В приемной дежурю на полставки, — зачем-то пояснил он.

В его голосе сквозила знакомая интонация. Такую слышишь у таксистов, когда они объясняют, что у них свой

бизнес, а таксуют они для души. Интересно, дежурить в приемном отделении — это как бы стыдно? Или в чем-то другом дело?

— Ясно, — сказал я.

— Пока вы находитесь в изоляторе, через какое-то время вас переведут в общую палату.

— Да, это мне уже говорили. Другой врач. У вас тут очень много врачей.

— Это дежурный доктор, — пояснил Розенбаум. — Хорошо, раз вам объяснили, что будет дальше, — перейдем к лечению?

— Давайте.

— На что жалуетесь?

Я нахмурился. Это он, интересно, пошутил так или у него есть четкое разделение ролей лечащего врача и врача, который дежурит в приемном отделении? Эдакая диссоциация в психушке. Звучит, кстати, как название книги. Возникло ощущение, что со мной разговаривают как с ребенком. Но, наверное, это вообще характерно для врачей, не только для психиатров.

— Ну, суицидальные мысли. Навязчивые.

— Как часто? Как регулярно? Как интенсивно?

— Примерно пару раз в год. Весной и осенью. Довольно интенсивно. Практически любые мысли в такие периоды приводят к одному. О чем бы я ни начинал думать — на другом конце суицид. При этом нет какой-то объективной причины, чтобы не хотеть жить. То есть я бы понял, если бы у меня какие-то проблемы были, умер кто-то, с работы бы уволили, в общем, повод какой-то.

Розенбаум кивнул и дважды провел большим пальцем по усам, пригладив левую и правую половины.

— А сейчас как состояние?

— Сейчас вроде более-менее.

— Ну и хорошо. Подождем результатов анализов, дальше будем смотреть по ситуации.

И он вышел из палаты. Я еще какое-то время смотрел на дверь, ожидая, что он вернется. И это все? Я рассчитывал, что он задаст мне кучу вопросов, попытается понять, что со мной. Да и вообще, скорее готовился к тому, что меня уличат в симуляции, чем вот так... Это даже обидно. Да и опять-таки, я ведь планировал собрать материал для книги.

Это, конечно, тоже материал, но хотелось бы другого. По замыслу психиатр ведет долгие разговоры с моим героем, убеждает его лечиться, выслушивает рассуждения Андрея. Через эти диалоги планировалось раскрыть читателю внутренний мир писателя, страхи и сомнения. А пока выходит, что никому не интересна позиция главного героя. Жив? В петлю не лезешь? Хорошо. Для остальных случаев у нас есть санитары и уколы, разговаривать тут не о чем. Суицидальные мысли? Ну да, бывает, вот как убьетесь — тогда и обращайтесь. Тогда уж надо писать книгу про психиатра, которому не до пациентов. Ну, мол, работы куча, бумажки надо заполнять, а если время останется, можно и полечить кого-нибудь.

Мне стало отвратительно тоскливо. Я один. В психушке. И всем тут, в общем-то, насрать на то, что происходит со мной. Даже если бы я был реальным психом, то вряд ли бы отношение было другим. Это даже страшно. Как так вышло?

Дверь палаты снова открылась. Я не стал смотреть, кто пришел, судя по звукам — санитар за посудой. Меня больше занимал вопрос, что делать дальше. Рано или поздно меня переведут в общую палату, там хоть на психов посмотрю. Это тоже материал. Хотя я предвижу определенные сложности.

Находиться в группе психов будет сложно. Так или иначе, придется быть в постоянной внутренней конфронтации с ними, а это тяжело. В противном случае я сам потихоньку рехнусь, механизмы индуцирования бреда вовсе не загадка и достаточно хорошо изучены. Один псих может

втянуть в свой бред всех окружающих, а если психи все вокруг, то нормальный человек свихнется гарантированно, вопрос времени.

Но посмотреть на них надо, прочувствовать атмосферу психушки. Нельзя писать книгу про такое заведение, не побывав в нем лично. Да, задуманное явно не работает: никто не будет вести задушевных бесед с главным героем. Да, все устроено не так, как я себе представлял, но это и можно использовать. Буду брать то, что есть.

Герой все так же не хочет пить таблетки, в этом смысле ничего не поменялось. Но лечиться придется, иначе его просто не выпустят из психушки, а при явном сопротивлении будут обкалывать насильно. Неплохой конфликт. И как поступит мой герой?

Я удостоверился, что в палате никого нет, дотянулся до тумбочки, взял книгу Оливии Лэнг и достал из рукава ручку. Прости, Оливия, но это все ради искусства, придется делать записи прямо поверх твоих строк. Нужно зафиксировать все, что удалось тут увидеть, и накидать общие черты героя.

Я прикинул прошлое Андрея. В целом нет смысла делать его сильно отличным от моего собственного, кроме нескольких деталей. А что по характеру?

Я вспомнил мобильный телефон в его руках, ну да, явно более хитрый, чем я. И, думаю, куда более стойкий. Он явно не смирится с необходимостью принимать лекарства, он останется самим собой. Но что он может сделать? Сбежать из психушки? Украсть у старшей сестры карточку, выйти из отделения — и потом что? В сейфе на посту хранится его паспорт. Наверняка Андрея будут разыскивать. Какой-то боевик получается. Причем откровенно странный. Писатель сбежал из психушки, скрывается от властей и пишет книги? Я чуть в голос не засмеялся. Прекрасный абсурд. Надо будет юмористический рассказ на эту тему написать.

Не выходит каменный цветок. Либо нужно просто сделать большие художественные допущения. Пусть все

в психушке будет реальным, кроме психиатра. Он будет вести с главным героем долгие беседы и все такое. Я вернулся на одну мысль назад и улыбнулся. Записал: «Все в психушке реально, кроме психиатра».

ГЛАВА 3

Всю ночь я не мог уснуть. Поэтому от безделья рисовал. Художник из меня так себе, ни разу не Врубель, но с портретом доктора Розенбаума я справился. Попытки с двадцатой, но тем не менее. В полутьме (единственный источник света — окно) карандашный набросок на страницах книги становился объемнее, а буквы в строках будто начинали шевелиться. Рисунок выглядел настолько зловещим, что я бросил эту затею и, опять-таки от безделья, стал работать над книгой.

Вообразил, что в изоляторе не только я, но и Андрей. Действительно, интересно, чем он себя займет в четырех стенах. Мой герой, как и я, недавно тщательно обследовал все помещение, потом долго смотрел в окно на серую облезлую стену и наконец сдался. Сел рисовать. Портрет доктора. Но ручкой, а не карандашом, как я. А потом вдруг взялся писать собственную книгу. Я удивленно моргнул.

Рекурсия? Зачем? Показать что-то через разницу между Андреем и его героем? А что, это имеет смысл. Андрей в психушке, выйти из нее он не может, принимать таблетки не хочет. Через героя, которого он придумает, можно показать конфликт автора с реальностью или даже с самим собой.

Пока получалось вполне логично. Психушка, а в частности изолятор психушки, — прекрасное место для того, чтобы переосмыслить свою жизнь. Но здесь есть одна сложность: своя жизнь слишком своя. Нет дистанции, необходимой для того, чтобы рассматривать весь процесс, а не